

Н. А. Завьялова

Екатеринбург, Россия

**Фразеологизмы с компонентом цветообозначения
как реализация национального самосознания китайского
и русского народов**

Аннотация. Производится сопоставительное описание китайской и русской цветовой лексики, исследуется история ее становления. В Китае цвет является компонентом культуры, он окружен системой ассоциаций, значений, толкований, цвет воплощает нравственно-эстетические ценности. С древнейших времен у китайского народа цвет являлся одним из средств осмысления мира, окружающей природы и наиболее ценного в человеке. В русской лингвоцветовой картине мира цвет входит в состав целого ряда выражений (например, «зардеться как маков цвет»). Для русской традиции характерно обыгрывание цветов как символов (Андрей Белый, Саша Чёрный). Интересны эксперименты в области синтеза музыки и цвета. Со временем познавательное значение цветковых образов отходит на второй план, а эстетическое и духовное – выходят на первый план, расширяется сфера использования цветов в символическом значении.

Ключевые слова: лингвоцветовая картина мира; цвет; ассоциации.

N.A. Zavialova

Ekaterinburg, Russia

**Phraseological Units with the Component of Color as the Reflection
of National Self-consciousness of Chinese and Russians**

Abstract. The article presents comparative description of Chinese and Russian color lexis, the history of its development is examined. In China color is a component of culture, it is surrounded by the system of

associations, meanings, interpretations; color reflects moral and aesthetic values. Since ancient times color in Chinese culture was a means of understanding the world, nature and person. In Russian linguistic and color world picture color constitutes several phrases (ex. "to blush as a poppy flower"). For Russian tradition it is characteristic to use colors as symbols (Andrey Bely, Sasha Cherny). Experiments in the synthesis of music and color are interesting. In the course of time informative meaning of color images loses its importance while aesthetic and spiritual meanings gain it, the sphere of their usage widens.

Key words: linguistic and color world picture; color; associations.

Данная статья посвящена сопоставительному описанию китайской и русской цветовой лексики, истории ее становления.

Цвет и символизируемая им стихия для китайцев не были жестко связаны друг с другом. У одной и той же силы могло быть несколько цветových символов в зависимости от состояния этой силы или стихии. Светло-синий являлся символом полуденного неба, а черный с небольшой долей красного (Сюань) – предрассветного, означая зарождение света в недрах мрака [1]. В учении о первосушностях Ин и Ян также присутствует цветовая символика. Ян имеет белый (желтый) цвет, а Ин – черный (синий). В «Книге перемен» («И цзин») мы находим следующую систему цветовой символики, исходящую из принципов теории соответствий. В китайской системе соответствий цветов и объектов окружающей среды находим следующие ряды (цвет – время года – стихия – сторона света – планета – животное): зеленый / синий – весна – дерево – Восток – Юпитер – дракон; красный – лето – огонь – Юг – Марс – феникс; белый – осень – металл – Запад – Венера – тигр; черный – зима – вода – Север – Меркурий – черепаха и змея; желтый – конец лета – земля – центр – Сатурн [2].

В китайской символике цвет выражал социальный статус: каждой социальной группе соответствовал свой цвет. Например, желтый считался священной привилегией императорской фамилии. Цвета делились на «благородные» и для простого народа, как об этом говорится в «Книге песен»

(«Ши цзин»). В законе о роскоши ясно сказано, что «зимой шляпа должна быть крыта тёмным атласом и подбита чёрным сукном. Поля должны быть загнуты вверх, что придаёт ей вид «пирожком», на верхушке кисточка из красного шёлка, такая длинная и густая, что покрывает весь верх шляпы. Зимняя придворная шляпа должна быть крыта красным вышивальным шёлком. На летней шляпе на макушке крепится кисточка из красных шнурков. По краю летняя придворная шляпа обшита золотой тесьмой, у неё должна быть подкладка из красной кисеи, и красная кисточка для неё делается из шерстинок коровы. Кроме кисточки, к верхушке каждой шляпы крепится шарик, цвет которого зависит от ранга человека: например, на шляпе чиновника или дворянина первого ранга должен быть ярко-красный шарик, второго – тёмно-красный, третьего – тёмно-синий, четвёртого – голубой шарик, пятого – хрустальный, шестого – белый шарик. седьмому или восьмому рангу соответствует золотой шарик, а девятому – серебряный...» [3]. В современном китайском языке находим следующие ФЕ с компонентом **sè** («цвет»). Данные ФЕ могут выступать в роли **визуальной характеристики предмета**. Shēn sè – тёмный цвет, sè de shēn – цветовые оттенки; вид, лицо. Sècāi – цвет, окраска. Shí dài sè – колорит эпохи. Sèlā – салат, винегрет. Цвет выступает в качестве **психологической характеристики** человека. Sèmí – ловелас. Sè lì nèi rěn – сильный лишь с виду, но слабый по существу; одна лишь видимость, что страшен. Dà jīng shī sè – побледнеть от страха. Цвет передаёт **чувственные наслаждения**. Sèqíng – эротика (эротический, эротичный). Sè wén xué – эротическая литература. Sèqíngkuáng – эротомания.

У мыслителя Древнего Китая Мо-цзы (Мо Ди) (приблизительно 475 – 395 гг.) находим следующую заметку: «Слепой может произнести и знать слова «белый мрамор», «чёрный уголь», но не может выбрать их по цвету, поэтому слепой не знает, что такое белый мрамор и чёрный уголь, и не потому, что не знает названия этих вещей, а потому, что он не может указать и отличить эти предметы». В антологии XV века «Собрания чаньских изречений» встречаем следующее высказывание: «В гуще белых облаков не видно белых облаков. В журчанье ручья не слышно, как журчит ручей». В со-

временном китайском языке белый (bái) как отдельная лексема и в составе словосочетаний имеет следующие значения: 1) bái se – белый, седой (седеть); 2) bái rì zuò mèng – *обр.* пустые мечты; 3) bái máng – зря стараться; 4) зря, даром. Чёрный (hēi) находим в следующих выражениях: 1) hēishì – темные дела; 2) bái zhǐ hēi zì – *обр.* чёрным по белому. Желтый в китайском языке нередко ассоциируется с неудачами в финансовом плане: mǎimài huángle – разориться. Лексема qīng передает, как правило, два цвета (синий и зеленый): qīngtiān – голубое небо; qīng chá – зелёный чай. Однако нередко данная лексема используется для обозначения черного: qīng sī – черный шелк; qīngguǒ – маслины. Совмещение значений «синий / зеленый / черный» в одной лексеме является иллюстрацией гипотезы П.Кэя и Б.Берлина, согласно которой первоначально в языке образуется пара колоративов со значениями «светлый (белый) – темный (черный)», из которых позднее развиваются остальные цветообозначения [4]. Как и в других лингвокультурах, зеленый в китайской культуре ассоциируется с весной и молодостью: qīng chū yú lán – *обр.* ученик превзойдет учителя (*буквально:* синее рождается из голубого).

Цвет выступает одной из основных категорий китайской культуры, фиксирующей уникальную информацию о колорите окружающей природы, своеобразии исторического пути народа, взаимодействии различных этнических традиций, особенностях художественного видения мира. Так как цвет является компонентом культуры, то он окружен системой ассоциаций, смысловых значений, толкований, цвет становится воплощением разнообразных нравственно-эстетических ценностей.

В цвете в рамках китайской лингвокультуры может выражаться отношение человека к явлениям окружающей природы. Цвет выступает в качестве содержательного элемента культуры, с помощью которого можно охарактеризовать, систематизировать предметы, социальные установки и нравственно-эстетические понятия.

У китайского народа с древнейших времен цвет являлся одним из средств осмысления мира. Он служил обозначением наиболее важного в природе и наиболее ценного

в человеке. В Китае веками сохраняются собственные технологии окраски тканей, процветают разнообразные керамические производства, люди изучают традиционные искусства, они умеют любоваться своей уникальной природой – это не может не способствовать выработке крайне специфической и тонкой колористики.

Обратимся к русской лингвоцветовой картине мира.

В первой половине XVIII века к семи основным русским цветам спектра философ Кантемир в своей «Оде в похвалу наук» причислял следующие цветонаименования: «Один фиалковый, другой пурпуровый, третий голубой, четвертый зеленый, пятый желтый, шестой рудожелтый, седьмой красный. В этом списке отсутствовал *синий*, а также не было еще заимствований *фиолетовый* и *оранжевый*, которые позже стали популярными и сейчас входят в набор 12 основных цветонаименований, вытеснив соответствующие *фиалковый* и *рудожелтый*. А *пурпуровый* занимало место, которое сейчас в системе основных цветов пустоет».

Лексема «*цвет*» входит в состав целого ряда выражений: «зардеться как маков цвет», «на вкус и цвет товарища нет», «цвести махровым цветом», «во цвете лет». В качестве синонима лексемы «*цвет*» в ряде выражений используется лексема «*краска*» и ее дериваты: «краска бросилась в лицо», «залиться краской», «не жалеть красок», «не место красит человека, а человек место», «убитая сорока ружье красит», «горе одного только рака красит», «рисовать мрачными красками», «вгонять / бросать в краску», «сгущать краски», «в черных красках», «в розовых красках». Обыгрывание цветов как символов глубоко укоренено в русской традиции: псевдонимы Андрей Белый, Саша Черный, Саша Красный. В советский период цвет – особый язык кодирования политического протеста.

Люблю я белое,

Люблю я красное –

Нет-нет, не знамя, а вино!

(Ю. Ким «Роман Зизи»)

Был бесцветным, был безупречно чистым,

Был прозрачным, стал абсолютно белым,

Видно, кто-то решил, что зима, и покрыл меня мелом.

Был бы белым, но всё же был бы чистым,
Пусть холодным, но всё же с ясным взором,
Но кто-то решил, что война, и покрыл меня чёрным...
(И.Кормильцев)

В российской музыкальной традиции широкое распространение получил феномен синописии. Цветной слух, синописия – ощущение различных цветов, а также все внепредметные пространственные и графические представления, возникающие при восприятии определённых звуков, созвучий, тональностей; частный случай синестезии (соощущения). Ассоциации цветного слуха подразделяются на общезначимые естественные синестезии, основанные на натуральном условном рефлексе, и произвольно-субъективные, в которых фиксируются случайные отношения между зрением и слухом. Ярким выраженным цветным слухом обладали многие музыканты, художники, писатели (А. Н. Скрябин, Н. А. Римский-Корсаков, Б. В. Астафьев). С областью цветного слуха соприкасаются такие ассоциативные представления, как «яркий», «матовый» звук, «тонкий» свист, «кричащие» цвета. Интерес к изучению цветного слуха в значительной мере стимулируется современными экспериментами в области синтеза музыки и света.

Для современного русского языка в области цвета, по мнению А.П. Василевича, характерны следующие тенденции. «Образование названия цвета от названия предмета, обладающего этим цветом, – наиболее продуктивный способ словотворчества. Так образовано подавляющее большинство слов – земляничный, салатный, кирпичный, болотный. Однако у большинства слов, порождённых по этой модели, есть важное свойство: они столь давно и столь часто употребляются в языке, что их этимология порой как бы забывается. Об освоенности данных слов языком говорит сама форма их использования (преимущественно в виде прилагательного – салатный, васильковый, а не цвета салата, цвета василька). Вместе с тем имеются слова, которые могут быть использованы в качестве названий цвета, но в силу своей малой употребительности далеко не всегда имеющие форму прилагательного (скорее можно встретить цвета мха, цвета незабудки, цвета шинели, чем мшистый, незабудковый, шинельный).

С другой стороны, в современном употреблении нередко опускается и слово «цвета». Вполне достаточным считается прямое название предмета (аджика, ваниль, коньяк, хурма, черепица). Таким образом, говорящий вправе по своему вкусу использовать одну из трёх возможных форм (кипарис, цвета кипариса или кипарисный; кукуруза, цвета кукурузы или кукурузный и т.д.)».

Со временем в системе значений цветовых образов познавательное значение отходит на второй план, а на первый план выходят эстетическое и духовное значения, и именно цвет начинает выражать внутренний мир человека. Постепенно сфера использования цветов в символическом значении расширяется. Цвета употребляются для характеристики пространства и времени, превращаются в обозначение определенных социальных групп.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грэй, Дж. Г. История Древнего Китая [Текст] / Дж. Г. Грэй ; пер. с англ. А.Б. Вальдман. – М. : Центрполиграф, 2006. – 606 с.
2. Сычёв. Л.П. Китайский костюм. Символика, история, трактовка в литературе и искусстве [Текст] / Л.П. Сычёв, В.Л. Сычёв. – М. : Наука, 1975. – 270 с.
3. Шуцкий, Б.М. Китайская классическая «Книга перемен» [Текст] / Б.М. Шуцкий. – М., 1960. – 587 с.
4. Berlin, B., Kay, P. Basic Color Terms [Text] / B. Berlin, P. Kay – Berkley and Los Angeles: University of California Press, 1969. – 587 p.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Шуцкий, Б.М. Китайская классическая «Книга перемен» [Текст] / Б.М. Шуцкий. – М., 1960. – 587 с. – С.216
2. Сычёв. Л.П. Китайский костюм. Символика, история, трактовка в литературе и искусстве [Текст] / Л.П. Сычёв, В.Л. Сычёв. – М. : Наука, 1975. – 270 с. – С. 75.
3. Грэй, Дж. Г. История Древнего Китая [Текст] / Дж. Г. Грэй ; пер. с англ. А.Б. Вальдман. – М. : Центрполиграф, 2006. – 606 с. – С. 288.

4. Berlin, B., Kay, P. Basic Color Terms [Text] / B. Berlin, P. Kay – Berkley and Los Angeles: University of California Press, 1969. – 587 p. – С. 124.

© Завьялова Н.А., 2008